

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Э.А. ПАИН,
С.Ю. ФЕДЮНИН

Нация и демократия. Статья 2. Иллюзии “постнационального” мира и кризис западных демократий*

Вторая статья (статью 1 см. “ОНС” 2017. № 6) посвящена взаимосвязи национального единства и демократии. В настоящей статье, опирающейся на анализ опыта стран Евросоюза и США, авторы показывают, что и поддержание демократии в современном мире нуждается в тех же предпосылках, а кризис, переживаемый ныне политической системой стран Запада, в значительной степени порожден ослаблением национального единства, деформацией гражданских наций и утверждением в среде элит представлений о наступлении “постнационального” мира. Обосновывается иллюзорный характер подобных представлений и анализируется их связь с другими заблуждениями, в частности относительно причин роста национал-популизма, брексита и неожиданной победы Д. Трампа на президентских выборах в США. Подход, который авторы развивают в обеих статьях цикла, позволяет лучше понять природу взаимосвязи между нацией, демократией и гражданским участием, а также роль национально-гражданского самосознания в качестве ведущей формы коллективной идентичности людей в современном мире.

Ключевые слова: национальное согласие, национальная идентичность, демократия, национал-популизм, космополитизм, Запад, Евросоюз, США.

* Статья подготовлена в рамках научной работы по гранту Российского научного фонда № 15-18-00064.

Паин Эмиль Абрамович – доктор политических наук, профессор Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ). Адрес: Мясницкая, д. 20, Москва, 101000. E-mail: pain@ISRAS.ru

Федюнин Сергей Юрьевич – докторант Центра европейских и евразийских исследований (Centre de recherches Europes-Eurasie) Национального института восточных языков и цивилизаций (Institut national des langues et civilisations orientales, INALCO). Адрес: 65 rue des Grands Moulins, 75013, Paris, France. E-mail: fedunin@inalco.fr

Национальный раскол в странах Запада: основные проявления и факторы

Западный мир переживает трудные времена. Его политические и интеллектуальные круги завроженно наблюдают за цепью драматических перемен в ожидании худшего. Наблюдатели, побывавшие на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2017 г., отмечают “удивительное ощущение неуверенности Запада в себе, которое контрастирует с самоуверенностью, которая на протяжении многих лет царила на подобных форумах” [Лукьянов 2017]. О потере ориентиров пишут видные западные, и в частности европейские, интеллектуалы. Если еще “в начале 1980-х западный мир был убежден в том, что создает процветающее общество”, то теперь эта вера в свои силы “уступила место неуверенности, страху и безысходности”, – говорит французский философ Э. Морен [Morin 2016]. Кризис доверия, охвативший страны Запада (и, разумеется, не только их), имеет многочисленные социальные, экономические и политические предпосылки. Этот кризис отражает глубокие трансформации последних десятилетий, которые во многом изменили облик западных обществ и вместе с тем обусловили ряд проблем в их развитии.

В числе таких трансформационных проблем мы выделяем прежде всего *фрагментарность и неравномерность развития* различных аспектов жизни стран Запада. Нарастающие с 1970-х гг. обороты коммерческой и информационной глобализации сочетались в этих обществах с процессами замедления экономического роста, деиндустриализацией целых районов, дерегуляцией трудовых отношений и распространением неполноценной, ущемленной в правовых и социальных гарантиях занятости. Все это в первую очередь ударило по рабочему классу и наибольшей части средних слоев (*lower middle class*), с благополучием которых принято связывать устойчивость демократических политических систем.

Важный фактор несбалансированной трансформации западных обществ – *бурный рост их мультикультурности*, особенно этнической и религиозной. Эти общества стали значительно сложнее и разнообразнее в культурном отношении. Потоки мигрантов, хлынувшие в богатые страны глобального Севера с куда менее преуспевающего Юга, вызвали изменение общественных и государственных институтов принимающих стран хотя бы потому, что многие из мигрантов сильно отличаются по культуре от большинства их населения. Культурные различия в какой-то мере могли бы быть обогащающими и стимулирующими развитие культур принимающих сообществ, однако чаще они порождали проблему роста *культурной дистанции*. Эта проблема долгое время не осознавалась в большинстве западных обществ и не устранялась в рамках политики “мультикультурализма”.

Проблема интеграции мигрантов осложнялась и принципиально новыми историческими обстоятельствами, а именно неизмеримо большим, чем в прошлом, влиянием на мигранта традиционной среды в странах исхода. Если еще в середине XX в. переезд человека в другую страну, как правило, означал путешествие в один конец, то в современном мире это уже совсем не так: связи с родиной можно поддерживать как на дистанции (при помощи телефона и Интернета), так и преодолевая расстояния благодаря высокоскоростному транспорту. Новые технические возможности привели к появлению и квазитрадиционных структур глобального масштаба, таких, например, как всемирная исламская умма, ныне представляющая и как виртуальное явление, но оказывающее реальное влияние на поведение адептов ислама во всем мире. Эмансипация меньшинств, трансформация семейных отношений и общая либерализация нравов также существенно изменили общества Запада. Безусловно, это порождало новые возможности развития, но также и новые проблемы для интеграции в гражданскую нацию не только мигрантов, но и разных категорий потомственных граждан стран ЕС и США.

В более сложных, культурно гетерогенных и эмансипированных обществах, где происходят болезненные экономические перемены, а дистанция между

представителями разных культур, между управляющими и управляемыми становится все более осязаемой, с неизбежностью возникает вопрос: а что объединяет между собой иммигрантов и местное население, “меньшинства” и “большинство”, бедных и богатых, элиты и массы? Что их связывает в единое общество поверх множества видимых различий? Образуют ли они, как в прежние времена, единую нацию граждан, для которых чувство социальной солидарности и преданность общему благу еще что-то значат? Все это *вопросы национального согласия и национальной идентичности*, которые не один год вызревали в лоне западных обществ, прежде чем выйти наружу в форме “трампизма”, брексита и антиевропейского популизма. Парадокс демократий Запада заключается в том, что в определенный момент правящие элиты самоустранились от поиска ответов на эти вопросы. Выдающийся американский социолог К. Лэш назвал данный феномен “*восстанием элит*” [Лэш 2002].

Наиболее богатые и влиятельные группы всегда отличались от непривилегированных классов не только по социальному статусу, но и по соответствующему образу жизни. Однако в прошлом, как доказывал Лэш, элиты были неотъемлемой частью своего городского сообщества и публично выражали преданность сообществу национальному. Несмотря на собственное благополучие, они находились в курсе проблем, с которыми изо дня в день сталкивались их менее удачливые сограждане в обычной жизни. Сегодняшние же “привилегированные классы – в их расширительном определении: наиболее преуспевающие 20% населения” [Лэш 2002, с. 39], напротив, живут обособленной от остальных жизнью не только в социальном и символическом, но и в непосредственном географическом смысле. Богатые пригороды и люксовые кварталы мегаполисов отделяют их мир от мира “плохих новостей” и чуждых им проблем, таких как “спад производства с последующей потерей рабочих мест; сокращение среднего класса; возрастающее число бедных; ползущая вверх преступность; процветающая наркоторговля; упадок городов” [Лэш 2002, с. 7]. Если раньше успех привилегированных групп был связан с репутацией, приобретаемой делами на благо жителей местного сообщества и всех соотечественников, то теперь он в большей мере зависит от индивидуальной мобильности, полезных знакомств и личных связей, принимающих все более глобальный характер. Лишенные обратной связи с “простым народом” политические, медийные, экономические и художественные (условный Голливуд) элиты в значительной мере утратили узы солидарности с согражданами и чувство ответственности перед своей страной.

Описывая США в начале 1990-х гг., Лэш отмечал, что многие представители привилегированных слоев «перестали считать себя американцами в каком бы то ни было значимом смысле, связанном с судьбой Америки, в счастье или в несчастье. Их привязанность к международной культуре работы и отдыха – коммерции, индустрии развлечений, информации и “информационного поиска” – делает многих из них глубоко безразличными к перспективе американского национального упадка» [Лэш 2002, с. 40]. К весьма близким выводам чуть позже пришел и С. Хантингтон в своей последней крупной монографии о вызовах американской идентичности [Хантингтон 2004]. Но, похоже, то же можно сказать и о демократиях Старого Света, где правящие и высокостатусные группы соблазнились проектом европейской интеграции в том виде, который предполагает устранение любых национальных особенностей. Отметим, что именно с космополитическим “отрывом” элит от образа жизни, проблем, ценностей и ожиданий большей части населения своих стран социолог Лэш связывал деградацию политических дебатов и фактически предательство элитами демократических идеалов.

Популизм – обратная сторона элитизма

Партийно-политическое устройство западных демократий в последние десятилетия также претерпело существенные изменения: кризис системы массовых партий привел к становлению “аудиторной демократии” (см. [Манен 2008]), в которой тон задает уже не партийный актив, а всевозможные эксперты-технократы и шоумейкеры. В этой новой системе граждане чаще всего довольствуются “пассивной” ролью

наблюдателей, склонных к вуайеризму (ежедневному наблюдению за жизнью политиков и знаменитостей) и аккламации тех или иных политических решений [Урбинати 2016, с. 321–420]. Владея словом в дискуссии, привилегированные классы при этом оказываются неспособными услышать чаяния страдающих или чувствующих отчуждение групп населения. Последние, в свою очередь, отказывают в доверии влиятельным слоям и управляемым ими государственным институтам. Как следствие — за тем, что в прессе и доминирующем политическом дискурсе обычно трактуется как “рост (крайне правого) популизма” и “возрождение национализма”, зачастую скрывается попытка широких масс обрести утраченный голос и указать правящему классу на свою преданность (и его равнодушие) к вопросам общего блага и национальной идентичности.

Проблема заключается в том, что народное недоверие быстро “присваивается” политическими дилетантами типа С. Берлускони или Д. Трампа, облакающими *политические* требования — восстановление лояльности элит интересам общества и государства — в форму своего рода “антиполитики” (*anti-politics*). На самом деле, как доказывает британский социолог Ф. Фуреди, их “антиполитическая” позиция — вовсе не альтернатива правительству технократов, а его зеркальное отражение, не имеющее позитивной программы действий [Furedi 2017]. По сути, на смену глобализированным элитам и представляющим их экспертам, объясняющим населению, что “альтернативы нет” (*there is no alternative*), приходят люди, демонстративно презирающие государственные институты и рассматривающие политику как театр марионеток в руках крупного бизнеса. Другими словами — технократы иного разлива.

Само появление на политическом горизонте персонажей, подобных Берлускони и Трампу, и тем более их стремительное восхождение на вершины власти в странах с длительной демократической традицией отражает *упадок гражданского духа* и девальвацию в обществе уважения к государственной деятельности. Избрание на пост президента США Трампа, абсолютно не имевшего опыта государственного управления на национальном и даже локальном уровне, — весьма впечатляющий пример потери представлений о сложности государственного управления и его специфичности в отличие от коммерческой деятельности: миллиардер-спекулянт — совсем не обязательно хороший политический деятель, как раз выше вероятность обратной связи. Что, кстати, прекрасно иллюстрирует пример Берлускони, “откатавшего” модель за два десятилетия до Трампа: медиамагнат и владелец футбольного клуба “Милан”, дебютировавший в итальянской политике в возрасте 57 лет, наспех сколотив политическую партию по примеру футбольной команды и с футбольным названием (“Вперед, Италия”), через два месяца, победив на национальных выборах, получил кресло премьер-министра.

Важным следствием падения доверия к государству и госслужбе в странах Запада стал рост произвола в сфере управления. Тот же Трамп в первые месяцы своего президентства не раз демонстрировал проявления произвола в принятии важных решений. Он подписал указы, некоторые из которых либо сразу же отвергались судом, либо почти немедленно корректировались самим же президентом, при этом в важных формулировках. Американский ученый Э. Сулейман еще в начале 2000-х гг. писал об опасности такого развития событий и отмечал его угрозы для существования эффективной демократии, поскольку “без профессиональной бюрократии демократическое общество не сможет себя сохранить” [Suleiman 2003]. Специалисты в области государственного управления (*Public Administration*) пришли к выводу, что в целом позитивные реформы, направленные на сжатие государственного аппарата и его удешевление (концепция, известная под названием *New Public Management*), порождали ряд фундаментальных проблем в тех случаях, когда не сопровождалась ростом или, по крайней мере, сохранением *гражданских духа, нафоса и целей управления и участия в нем* (см. [Оболонский 2011]). Если государственный служащий утрачивает представление о своей роли в служении обществу, то госаппарат неизбежно проигрывает конкуренцию за профессиональные кадры бизнес-структурам как по оплате труда, так и по престижу

и перспективности деятельности работника. Это приводит к депрофессионализации госслужбы, к стягиванию в нее наименее квалифицированных кадров. Ныне последствия такого развития событий все более заметны на фоне гигантского усложнения задач управления, в эпоху глобализации с ее новыми и труднопредсказуемыми процессами, рисками и проблемами — экономическими, миграционными, экологическими, геополитическими и др.

В последней трети XX в. проявилась, и с тех постоянно нарастала, критика национального государства и самой идеи нации, будь то критика с философских, эстетических, социально-политических или моральных позиций. Завышенные ожидания от краха коммунизма и успехов глобализации в конце прошлого столетия сделали эту критику чуть ли не интеллектуальным мейнстримом. Во всех случаях она исходила от образованного и преуспевающего класса людей — ученых, философов, журналистов, артистов, бизнесменов и политических лидеров леволиберального толка. Одновременно возрастала мода на все, что связано с феноменами “транс-” и “постнационализма”, “глобального гражданского общества” и “европейской демократии”. Рамки национального государства показались космополитизировавшимся элитам слишком тесными, а привязанность к национальному сообществу — анахронизмом в мире возрастающего разнообразия. Тем более непонятной и возмутительной в их глазах предстала реакция “консервативных масс”, голосующих за контрэлитные группировки с их радикально-националистическими и агрессивными лозунгами, а то и вовсе демонстрирующих (например, посредством абсентеизма) тотальное разочарование в политике, демократии, государстве, одним словом — в “системе”. Пожалуй, ничто так наглядно не иллюстрирует глубину национального раскола западных обществ в начале XXI в., как трактовка охватившей их волны национал-популизма со стороны левой, либеральной и прогрессистской публики. В этих кругах избрание Трампа на пост лидера мировой сверхдержавы и брексит в Великобритании были восприняты как мрачное предзнаменование грядущей катастрофы¹. Одновременно защита нынешнего порядка вещей и глобализации определяется как оборона осажденной цивилизации от нарастающего напора варварства и трайбализма. Мы выделяем, как минимум, три наиболее распространенных варианта проявления данного дискурса.

1. **“Возрождающийся национализм”**. Слово “национализм” в современном политическом языке Запада и так однозначно прочитывается как негативная стигма (в том числе и самими национал-популистами, предпочитающими именовать себя “патриотами”), но и указание на “возрождение” здесь не случайно: оно недвусмысленно отсылает к межвоенному периоду (1918–1939), отмеченному в Европе появлением и распространением фашизма. Однако с научной точки зрения сравнения современных национал-популистских партий с фашизмом выглядят весьма сомнительно [Taguieff 2015]: в отличие от фашистских движений прошлого (и настоящего), цели современного популизма идентичности носят отнюдь не мессианский и не революционный, а “оборонительный” характер. Лозунг “Мы у себя дома!” (*On est chez nous!*), непременно сопровождающий собрания и акции сторонников французского Национального фронта, отражает суть идеологии всех подобных движений — защитить, путем акцентирования и противопоставления, “нашу идентичность” и “наш образ жизни” перед лицом иммиграционных потоков, ислама и европейской интеграции/глобализации. Национал-популисты новой волны не стремятся к уничтожению демократической

¹ В связи с широко распространенным восприятием брексита как катастрофы или, по крайней мере, как серьезной угрозы для проекта единой Европы не будет лишним напомнить об особом положении, которое Соединенное Королевство с самого начала занимало в Евросоюзе. С момента вступления в тогдашнее ЕЭС в 1973 г., британцы последовательно выступали за торговый и таможенный союз в Европе, но всегда оставались скептическими в отношении европейской политической интеграции, валютного и миграционного союза. Именно поэтому Великобритания отказалась применять большую часть Шенгенского законодательства (о свободном передвижении в ЕС), а также отвергла идею присоединения к еврозоне и переход на евро. В этом отношении ничего не изменили даже лейбористы в свою бытность у власти, притом что тогда их возглавлял весьма проевропейский настроенный Э. Блэр (1997–2007).

системы, но последовательно играют по ее правилам. Оппонируя модели либеральной демократии, современные национал-популистские движения выступают с проектом преобразования последней с позиций монокультурализма и “урезанного” либерализма, очерченного национальными границами. Другими словами, можно говорить о концепции “демократии большинства” (схожие модели уже реализуются в других европейских странах, например в Венгрии и Польше). Условием доступа к плодам таким образом понимаемой свободы (равно как и другим общим благам) провозглашаются, во-первых, готовность принять господствующие в обществе культурные образцы поведения и, во-вторых, публичная демонстрация лояльности доминирующим нормам и ценностям сообщества.

Непонимание этих отличий нынешних национал-популистов от националистических движений прошлого, ведущее к бесконечному воспроизводству поверхностных аналогий в леволиберальной среде, приводит к результатам, обратным поставленным целям. Вместо разоблачения и лишения неопопулистов какой-либо социальной поддержки, стратегия их демонизации со стороны истеблишмента (одновременно с кампаниями этих движений по реабилитации собственного имиджа) лишь подтверждает их образ непримиримых борцов с “системой”.

2. **“Бунт лузеров глобализации”** — еще один из вариантов трактовки в медийном пространстве причин роста национал-популизма. Резкое неприятие и высмеивание политических лидеров националистического толка на страницах прогрессистской прессы и в либеральной блогосфере часто переносится на активно поддерживающие их массы избирателей или стоящее за ними “молчаливое большинство”. Так, поддержка Трампа и голосование за брексит подаются как реакция озлобленных “лузеров глобализации” (см. [Merler 2017; Mudde 2016]), ностальгирующих по ушедшей эпохе стабильности и процветания национальных государств. Шокированная либеральная общественность в США изобличает “восстание рассерженных белых мужчин” [Sedensky 2016], грезящих образом “великой Америки” 1950-х гг. [Edwards-Levy 2016; Gaskell 2016] — атомной сверхдержавы во главе капиталистического мира, переживающей индустриальный подъем и не знающей слова “политкорректность”. Что же касается англичан, то они, по мнению профессора Кембриджа Н. Бойла, охвачены иной ностальгией — по былому имперскому величию. “Еврофобия, продемонстрированная на референдуме, — пишет он, — является специфически английским психозом, нарциссическим выражением именно английского кризиса идентичности”. (Речь идет об англичанах, а не британцах, поскольку в Шотландии и Северной Ирландии, а также в космополитическом Лондоне, большинство высказалось за *Remain*.) Лишь когда англичане осознают, что “в мире — в действительности, на Британских островах — живут не только они сами”, можно будет надеяться на то, что “доведшие Англию до брексита иллюзии наконец будут рассеяны в результате контакта с реальностью”. Тогда же “излеченные от психоза англичане попросят назад в ЕС” [Boyle 2017].

3. **“Архаичная реакция на прогресс”**. Данная разновидность элитарного дискурса не сильно отличается от двух предыдущих. Сквозь эту призму национал-популистские движения в современной Европе и США рассматриваются как негативная реакция на прогресс, вернее на то, что сегодня под этим словом понимается: эмансипация нравов и моделей индивидуального поведения, “космополитизация” сознания и пр. Безусловно, такая точка зрения не лишена оснований. Однако она не может претендовать на исчерпывающий объяснительный характер.

На “смесь пренебрежения и опаски”, с которой новые элиты взирают на массы, указывал еще Лэш [Lэш 2002, с. 26]. Подобно тому, как в XIX в. западноевропейская городская буржуазия презрительно описывала рабочий люд не иначе как “опасные классы” (*classes dangereuses*) [Chevalier 1958], а крестьянское население провинций как “дикарей” (*sauvages*) [Weber 1976], современная образованная и высокостатусная публика на Западе обрушивает свой гнев и отвращение на массы “реднеков”, “расистов”, “традиционалистов” и “националистов”. К слову, примерно так же, как (с поправкой на историко-политический контекст) российская либеральная общественность

обзывает ностальгирующих по брежневской эпохе россиян “совками”, а одобряющих политику президента В. Путина сограждан — “ватниками”.

В этой риторике столь же много пафоса и социального расизма, как и полтора века назад, но чего в ней не хватает, так это мало-мальского стремления понять, убедить, просветить, а для начала хотя бы вступить с оппонентом в диалог. Справедливо избличая необоснованные страхи и ксенофобию соотечественников, просвещенная западная публика сама демонстрирует крайнюю нетерпимость. Поэтому неудивительно, что такой подход образованных слоев общества лишь углубляет символический раскол между “космополитическими элитами” и “простым народом”, вносимый риторикой популистов. В конечном счете, морализаторство в адрес “неудачников” и “страдающих психозом” сограждан фактически означает признание интеллектуального и политического бессилия говорящего.

На наш взгляд, новые формы европейского и американского национализма, принимающие популистскую стилистику, — не только и не столько протест против прогресса, сколько *выражение антиэлитизма*. Другими словами, ответом на разрыв связи (разрыв, во многом, вполне реальный, но нередко и мнимый) между правящими и задающими интеллектуальную моду группами, с одной стороны, и непривилегированными классами — с другой.

С. Бойм, авторитетная исследовательница ностальгии, отмечала, что данный феномен есть не “враг современности, а ее составная часть”. Это относится не только к рефлексирующей ностальгии, отсылающей “к индивидуальной и культурной памяти”, но и к ностальгии реставрирующей, которая “занимается прошлым и будущим нации” [Бойм 2013]. Вот и нынешние национализмы идентичности бросают *современный* вызов западным демократиям, делая это в том числе при помощи ностальгии — конструирования утопии прошлого и мифологизации исторического времени. Яркие, но вместе с тем предельно расплывчатые образы “старой доброй Англии”, “великой Америки” или, скажем, “нежной Франции”² времен послевоенного экономического подъема не столько отсылают, как кажется на первый взгляд, к прошлым эпохам, сколько служат символическими маркерами актуальных политических притязаний.

Историк Дж. Хоскинг связывает нынешнюю волну национал-популизма в странах Европы с *эрозией национального государства* в процессе экономической глобализации, притом что государству и сегодня нет равных как в воспроизводстве “символических систем, создающих и поддерживающих широкое доверие в обществе (*generalized trust*)”, так и в отправлении “функции менеджера публичных рисков (*public risk manager*)” [Hosking 2016, p. 212]. Без принятия в расчет этих обстоятельств невозможно объяснить, почему, например, новые националистические движения являются “правыми в вопросах этнической политики (*ethnic policy*)” и одновременно “левыми в вопросах экономики” [Hosking 2016, p. 219].

Открыто демонстрируя и распространяя ксенофобию, практически все европейские национал-популисты “хотят выстроить заслон против транснациональных компаний и восстановить государственный контроль над движением капиталов (*capital controls*)” [Hosking 2016, p. 219]. И хотя все они выступают с инициативами по снижению налогов для среднего класса и мелкого бизнеса, некоторые из них, как М. Ле Пен, одновременно критикуют политику бюджетной экономии (*austerity*) и борются за сохранение и даже расширение существующих социальных гарантий. В этом свете было бы ошибкой (как к тому подталкивает интерпретация в логике “протеста против прогресса”) сводить антииммигрантский и исламофобный дискурс европейских национал-популистов к реваншу за “ценности дедов” (см. [Агаев 2017]), а их радикальную критику глобализации и европейской интеграции исключительно к онтологическому страху перед фигурой Другого. За этой критикой в не меньшей, а вероятно и в большей степени стоит неприятие проводимой правящими элитами политики и особенно

²“*Douce France*”, так называлась известная песня, записанная шансонье Ш. Трене в 1947 г.

их опора на “одностороннюю” коммуникацию, не предполагающую активного участия граждан.

К подобному заключению приходит политический философ М. Сэндел в своем анализе победы Трампа на президентских выборах в США. По его словам, прогрессивные партии “должны извлечь для себя урок, благодаря потеснившему их популизму... принимая всерьез обоснованное беспокойство (*legitimate concerns*)” части общества, скрывающееся за внешней оболочкой нетерпимости и ксенофобии. Сэндел выделяет четыре основных сюжета, которые лежат в основе растущего беспокойства американцев и выступают причиной небывалой популярности “трампизма”. Это — углубляющееся неравенство доходов, меритократическое высокомерие (*meritocratic hubris*) элит, падение престижа работы (*the dignity of work*) в обществе и, наконец, вопросы патриотизма и принадлежности к национальному сообществу [Milano 2017]. Попытки предложить адекватные пути решения этих проблем, таким образом, упираются в необходимость смены привычной для либеральной общественности оптики. С этой же необходимостью недавно пришлось столкнуться и европейским элитам.

Единая Европа и национальная идентичность

“Правительства [в Европе] не хотят признать, что самые важные проблемы XXI века вращаются вокруг вопросов идентичности — человека, общности, нации”, — заявила в одном интервью Ф. Петри, лидер партии “Альтернатива для Германии” [Лепту 2016]. Наверняка у госпожи Петри особое мнение на этот счет, во многом не совпадающее с нашей позицией, но само указание на первостепенную значимость в странах Европы вопросов, связанных с идентичностью, представляется симптоматичным. Особенно вызывающе это заявление звучит в Германии, где обсуждение всего, что связано с темой национального, на официальном уровне долгое время считалось недопустимым. Но и в политическом языке Евросоюза вопросы идентичности всегда оставались на периферии и по большей части рассматривались в негативном ключе: само слово “идентичность” в первую очередь ассоциировалось с национальным сознанием и так называемым “национальным эгоизмом” государств-членов — инерционным образом мыслей и действий, тормозящим европейскую интеграцию или препятствующим ей.

Не секрет, что проект объединенной Европы задумывался с целью ослабления национальных идентичностей входящих в него стран (немецкой, французской, бельгийской, итальянской и др.) и преодоления государственных границ, сковывающих свободное передвижение капиталов и людей. Политический миф основания (*foundational myth*) Евросоюза, таким образом, основывается на утверждениях, что “единая Европа появилась как ответ на провалы первой половины XX века” и что “европейская интеграция была результатом стремления преодолеть национализм во имя обеспечения стабильности и экономической безопасности на континенте” [Della Sala 2016, p. 532].

Что же касается общеевропейской идентичности, которая по логике вещей должна была заменить собой национальное сознание жителей ЕС, то проект по ее конструированию, по существу, так и не был разработан. Еще во времена “отцов-основателей” Евросоюза Ж. Монне и Р. Шумана предполагалось, что мотором европейской интеграции выступает экономическая кооперация, за которой неминуемо следует создание общих управленческих и политических структур. Остальное, как говорится, приложится. Однако по мере углубления процессов интеграции европейских экономик накапливалось все больше противоречий, решить которые не удавалось и при помощи таких институтов, как Европарламент, Европейская комиссия и Европейский совет. Со временем выяснилось, что ЕС по-прежнему остается всего лишь союзом национальных государств, в котором важнейшие вопросы как внутренней (прежде всего, бюджетной), так и внешней политики решаются на основе консенсуса глав национальных государств или глав их правительств. Дефицит общего видения единой Европы среди элит европейских стран, в том числе как геополитического образования в глобальном мире, отчетливо проявился в начале нынешнего столетия [Lacoste 2014].

Растущие недоверие граждан к Брюсселю, в свою очередь, создавало почву для новых распрей и недовольства “европейским вектором” политики своих стран.

За несколько лет до наступления масштабного миграционного кризиса, расколовшего и рассорившего европейские правительства, а также беспрецедентного решения Великобритании о выходе из состава ЕС Ф. Фукуяма отмечал: главная проблема Евросоюза, от решения которой зависит его будущее, состоит не в сложностях экономической интеграции и даже не в работе европейских политических институтов, а в вопросе европейской идентичности. Констатируя системный сбой на этом направлении, политолог указывал на то, что “никогда не существовало удачной попытки создать европейский смысл идентичности, европейский смысл гражданства, которое определило бы права и обязанности европейцев по отношению друг к другу за рамками формальных договоров” [Фукуяма 2013]. Впрочем, даже если бы четкий проект по формированию сознания наднационального европейского сообщества был предложен, он неминуемо натолкнулся бы на целый ряд объективных трудностей. Причина этого состоит в том, что европейская концепция идентичности изначально не может опереться на единую культуру, один язык и общую историю, а потому она заранее проигрывает в конкуренции национальным формам сознания.

Отсутствие консенсуса в представлениях о европейской культуре проявилось во время подготовки проекта Конституции ЕС, которая так и не вступила в силу, будучи отвергнутой на референдумах во Франции и Нидерландах в 2005 г. Тогда много шума наделали споры о культурном наследии Европы. В центре разногласий оказался *вопрос о роли духовных ценностей*: одни настаивали на признании особой роли христианства (а также других религий — иудаизма и ислама) в формировании европейской цивилизации, тогда как их оппоненты высказывались за приоритет ценностей гуманизма и светской традиции Просвещения, сформировавшей основы современной Европы (см. [Bossuat 2005]). Однако в действительности ни гуманистические ценности, такие как права человека, демократия и терпимость, ни тем более христианство не могут служить надежной основой европейской идентичности. Религия в Европе, по преимуществу, стала частью личной жизни людей, и хотя возможности общественной мобилизации на базе апелляции к христианским ценностям далеко не исчерпаны (в особенности по вопросам вроде права на аборт или однополых браков), эти ценности больше не могут служить основой для консолидации всего общества ни в одной из стран ЕС, включая наиболее религиозные Польшу и Италию. В то же время официально декларируемые гуманистические идеалы европейской цивилизации, несмотря на (вполне справедливое) подчеркивание исторической роли Европы в их кристаллизации и распространении по миру, мыслятся и понимаются как универсальные ценности. А это подрывает любые потенциальные и, на самом деле, оправданные попытки определить их собственно европейскую (то есть не французскую или испанскую, а общую для всех европейцев) специфику. Кроме того, приверженность ценностям прогресса, имеющим всемирно-историческое значение и, таким образом, преодолевающим любые проявления “вроцентризма”, существенно ограничивает возможности четкого определения символических (и даже политических) границ единой Европы.

Не меньше проблем с *языковым разнообразием*. Девиз Евросоюза гласит: *In varietate concordia* — Единство в разнообразии. Тема плюрализма культур, традиций и языков европейцев — один из ключевых элементов дискурса европейских элит. В ЕС официально признаны 24 языка (не считая таких языков, как каталанский и уэльский, имеющих статус “приравненных к официальным”, *co-official languages*), на которых публикуются все документы и ведется работа в Европарламенте. Очевидно, что в нормальном общении на уровне ЕС просто невозможно использовать даже половину из двух с лишним десятков языков, а потому наиболее популярными рабочими языками являются французский и английский. Французский прежде всего потому, что местом расположения штаб-квартиры Евросоюза был выбран Брюссель, английский — как самый популярный язык международного общения в послевоенной Европе и мире (собственно, английский язык потеснил французский, прежде игравший роль языка

международной дипломатии и деловой переписки). Остальные языки, по сути, находятся на второстепенных позициях. С этим связана другая проблема: немецкий язык не имеет того же статуса, что французский и английский³, хотя именно ФРГ вместе с Францией в прошлом сыграла ключевую роль в европейской интеграции, а ныне *de facto* стала лидером объединенной Европы, впрочем, избегающим брать на себя слишком много ответственности.

Проблема *общеευропейской исторической памяти* особенно ярко проявилась в последние десятилетия, в частности после подписания Маастрихтского договора (1992). Именно тогда заметно ускорились процессы конструирования общеευропейского исторического нарратива и коллективной памяти. Чаще всего выбор делался в пользу нейтральных символических стратегий, которые должны были “никого не обидеть”, но от этого лишались эмотивной составляющей. Наиболее яркий пример – банкноты евро, на которых видны “стилизованное изображение мостов, готических или романских арок”, не идентифицируемых с тем или иным конкретным местом [Дьеккофф, Филиппова 2014, с. 197]. Несмотря на подобную политику, процессы создания европейской памяти сталкиваются с целым рядом проблем, вытекающих из разнородности исторического опыта и оценок прошлого. В этом отношении основной водораздел, если не сказать глубокий раскол, пролегает между странами Западной и Центральной Европы.

В Западной Европе ключевым сюжетом дебатов на исторические темы является переосмысление имперского прошлого и преодоление колониального наследия. С утверждением “постколониального сознания” связано переписывание школьных и университетских программ по истории и смена символической политики западноевропейских государств. Напомним, что все страны Западной Европы, стоявшие у истоков европейской интеграции, за исключением Люксембурга (то есть Франция, Германия, Италия, Бельгия и Нидерланды), долгое время были имперскими метрополиями⁴. Этот общий опыт, безусловно, объединяет национальные стратегии стран Западной Европы по осуществлению ревизии исторического сознания. Другой важнейшей, и также общий для этих стран, фактор такой ревизии – память о двух мировых войнах, и в частности Второй мировой, рассматриваемых как следствие соперничества европейских метрополий за геополитическое могущество. Собственно, предотвращение столь же разрушительных конфликтов в будущем с самого начала, то есть с 1950-х гг., почиталось как историческая миссия европейской интеграции, зафиксированная в провозглашаемых целях Евросоюза – мире и процветании (*peace and prosperity*). Позже, к 80-м гг. XX в. в странах тогдашнего ЕЭС сформировался консенсус относительно прошлого, в основу которого была положена память о Холокосте.

В процессе расширения Европейского союза в 2004 г. в его состав вошли государства Центральной Европы и балтийские республики, которые, по словам историка А. Миллера, “просто взорвали этот консенсус”: участники Холокоста здесь нередко воспринимались как национальные герои [Миллер 2015]. Однако центральное место в публичных дебатах об истории и “исторической политике” центральноевропейских стран занимает не это событие и даже не ужасы 1939–1945 гг., а опыт жизни данных обществ при социализме. Что касается Венгрии, то там весьма заметна и “имперская ностальгия” – болезненная память об утраченных после двух мировых войн землях, ставших частью Румынии, Словакии, Сербии и других государств. В отличие от западноевропейских стран, разоблачающих собственное имперское прошлое колонизаторов, государства Центральной Европы и Балтии принялись конструировать сознание общества-жертвы, пострадавшего от советской оккупации. Если на западе

³О необходимости “поднять” немецкий язык до их статуса внутри ЕС не раз высказывались видные политики Германии, включая канцлера А. Меркель [Vasagar 2013]. Отметим, что в условиях выхода Великобритании из Евросоюза стоит ожидать некоторого ослабления доминирующей роли английского языка в публичном европейском пространстве. Это прибавляет немецкому шансы упрочить свои позиции.

⁴В этом смысле ЕС можно рассматривать как союз бывших метрополий, интеграция которых в значительной мере сгладила последствия постимперской ностальгии в этих странах.

Европы заметны некоторые признаки ослабления национальной идентичности вследствие роста внимания к правам меньшинств и выработки позитивного восприятия культурного разнообразия, то на востоке континента наблюдается другая историческая динамика. После краха Советской империи здесь возобновились процессы конструирования образов этнически гомогенных наций, а тема мультикультурности в публичном пространстве, мягко говоря, не пользуется большой популярностью.

Эти различия в политике памяти существенно обострили внутриевропейские противоречия, выходящие за рамки собственно споров об истории. “Когда Европейский парламент принял в качестве общеевропейского Дня памяти День памяти жертв тоталитарных режимов (23 августа — день подписания в 1939 году пакта Молотова–Риббентропа), — отмечает Миллер, — то стало понятно, что европейский дискурс о прошлом переформатировался” [Миллер 2015]. А вместе с ним изменился баланс сил внутри Евросоюза, в том числе в определении его внешней политики по отношению к России, со своей стороны охотно вступившей в европейские войны памяти.

Миграционный кризис фактически разделил Евросоюз на два лагеря, каждый из которых имеет вполне ясные географические очертания. Во главе стран, выступивших за прием беженцев во имя гуманизма и европейской солидарности, оказалась Германия, воспринимающая себя как виновницу за развязывание самой разрушительной в истории войны и геноцид евреев. И хотя волна критики в адрес немецкого руководства продемонстрировала, что внутригерманский консенсус относительно прошлого с недавних пор подвергается эрозии, ФРГ за два года приняла более миллиона ближневосточных беженцев. Лидеры других стран на западе, севере и юге Европы, хотя и без особого энтузиазма и с большей осторожностью в оценках, в целом поддержали позицию канцлера Меркель. Напротив, в лагере противников приема беженцев единым фронтом выступили все “постсоциалистические” страны Центральной Европы и Балтии. Лидеры этих государств, культивирующие в своих обществах сознание жертвы, просто отказались принимать мигрантов, притом что ни одна из этих стран, за исключением Венгрии, практически не испытала на себе никакого влияния миграционного кризиса.

Несмотря на это, тема миграции в Европу была использована руководством центральноевропейских стран как средство оспаривания изнутри нынешней структуры Евросоюза и даже самой целесообразности его существования. Так, открещиваясь от напоминаний о более чем 170 тысячах венгерских беженцев, бежавших из страны после событий 1956 г. и принятых в странах Западной Европы [Petite 2016], премьер Венгрии В. Орбан трансформировал свою традиционно жесткую антимигрантскую позицию в ультимативную риторику, адресованную Брюсселю. В разгар кризиса ситуации с беженцами 2016 г. Орбан дошел до того, что принялся разоблачать угрозу “советизации” Евросоюза [Gutteridge 2016] (отметим неслучайный характер этой псевдоисторической отсылки).

Тем временем бывший президент Чехии В. Клаус и его помощник опубликовали книжку с характерным названием: «ООО “Переселение народов”» [Клаус, Вейгл 2017]. Изобличая “лицемерный и извращенный гуманизм” европейских элит, взывающих к солидарности и распределению беженцев по квотам между государствами—членами ЕС, авторы фактически обвиняют “маму мигрантов” А. Меркель и председателя Еврокомиссии Ж.-К. Юнкера в использовании кризиса на Ближнем Востоке в собственных целях — а именно, для дискредитации внутриевропейской оппозиции (то есть таких людей, как сам Клаус) и даже для замещения коренного населения континента “новыми европейцами” [Клаус, Вейгл 2017].

Подведем предварительный итог: на пути создания европейской идентичности возникло множество трудностей, преодолеть которые в обозримой перспективе не представляется возможным. Но все же главная проблема, препятствующая наполнению символическим и практическим смыслом понятия европейского гражданства, пожалуй, заключается в *отсутствии европейского гражданского общества как такового* и в *слабости единого публичного (политического) пространства Евросоюза*. Без

ощущения общности, базирующейся на культурных связях и чувстве солидарности поверх национальных границ, не возникает и чувства сопричастности рядовых европейцев с осуществляемой от их имени политикой, на которую они при этом практически никак не могут повлиять. Поскольку, по словам А. Дьёкоффа, “европейское гражданское общество находится в лучшем случае в зачаточном состоянии”, у обычных европейцев не возникает большой заинтересованности в европейской повестке, выходящей за рамки повестки национальной. Отмечая высокий уровень неучастия на европейских выборах (в среднем в государствах—основателях ЕС он колеблется в районе 55%, а в других странах — еще выше), политолог указывает и на другое обстоятельство: “подавляющее большинство населения государств-членов [Евросоюза] по-прежнему перемещается исключительно или по большей части внутри национальных границ”. В целом же «можно сделать вывод лишь о живучести национальной идентичности в Европе, будь то в форме привязанности к национальному государству, популистского и реакционного национализма или “регионального национализма»» [Дьёкофф, Филиппова 2014, с. 197, 198].

Провал проекта европейской “транснациональной демократии” признают даже ее поборники, такие как Ю. Хабермас. Немецкий философ указывает на неслучайную связь между тем обстоятельством, что “европейская политика не укоренена в гражданском обществе”, и такой организацией Евросоюза, при которой “ключевые экономические решения, затрагивающие интересы всего общества, выведены из-под демократического контроля (*removed from democratic choice*)” [Habermas 2016]. Крайняя слабость европейского публичного пространства, в частности, способствует тому, что депутаты Европарламента, то есть представители европейских граждан, не обладают эффективными инструментами взаимодействия с избирателями. Вместе с тем выработка непосредственной политики и принятие решений от имени всего Евросоюза сводится к способности глав правительств государств-членов договориться между собой и с брюссельской “евробюрократией”.

В то же время связь действует и в обратном направлении: отсутствие механизмов влияния на проводимую Евросоюзом политику, на что к тому же постоянно указывают “евроскептики”, порождает у людей недоверие. Судя по данным Евростата, с середины 2000-х гг. наблюдается устойчивая тенденция снижения доли граждан, доверяющих ключевым институтам ЕС. Так, с 2004 по 2014 г. доля европейцев, выражающих доверие Еврокомиссии, снизилась с 52 до 38% (в среднем по странам ЕС), к Европейскому совету — с 45 до 36%, а к Европарламенту — с 57 до 42% за тот же период [Level of Citizens’ Confidence...].

Евросоюз утратил прежний позитивный и во многом идеализированный образ, и сегодня доминирующая “картинка” ЕС больше напоминает обузу, нелегитимную надстройку, чем воплощение исторического прогресса и политической воли европейских граждан. В этом контексте недавнее заявление главы Европейского совета Д. Туска об иллюзорности проекта “одной европейской нации” и насущной необходимости убедить европейцев в способности ЕС “поддерживать чувство безопасности и стабильности” [EU Official Tusk... 2016] следует рассматривать как признание глубины накопившихся противоречий и вызванной ими эрозии европейской идеи. На наш взгляд, критическое переосмысление этой идеи, а следовательно, и ее институциональное оформление в будущем должны исходить из нескольких принципов.

Внимание к идентичности, отказ от иллюзий и возврат к гражданской нации

Проведенный анализ привел нас к нескольким базовым выводам. Первый и важнейший из них звучит так: *нельзя отрицать национальные идентичности и связанные с ними культурные различия*. Национальное самосознание в современном мире играет ту же роль, какую религия и сословия играли в прошлом, являясь *господствующей формой коллективной идентичности людей* [Гринфельд 2012, с. 25]. История Европейского союза наглядно показывает, что надежды на “преодоление” национальной

идентичности и национального сознания европейцев оказались иллюзорными. Представления о том, что лояльность национальному сообществу отпадет за ненадобностью в процессе углубления экономической интеграции и, в конечном счете, будет заменена преданностью универсальным ценностям и абстрактным символам, столкнулись с целым рядом обозначенных препятствий. И это в самых развитых, по всем существующим показателям, демократиях в мире. Что уж говорить об остальных странах, где публичное обращение к “национальной теме” за последние десятилетия не только не ослабело, но и значительно укрепилось (см. [Тишков, Филиппова 2016]).

Попытки отрицать или даже “вытравить” национальное сознание в европейских странах обернулись ростом недовольства со стороны широких слоев населения. Это недовольство зачастую принимает агрессивные формы антиглобалистской риторики, неприятия европейской интеграции *в любом ее виде* и страха перед “исламской угрозой”. В то же время хроническое невнимание европейских элит к вопросу идентичности, который до самого последнего времени рассматривался как третьестепенный, аукнулось в трудный для объединенной Европы момент. Отсутствие европейско-гражданского общества, публичного пространства и четких политических границ оказало услугу всевозможным “евроскептикам”, отныне с большей, чем прежде, убедительностью призывающих покончить с “диктатом Брюсселя” и вернуть суверенитет и свободу народам Европы.

Эрозия национального сознания в США имеет свои особенности по сравнению с европейскими странами. В Америке с 1970-х гг. стала превалировать тенденция, которую М. Лилла, профессор Колумбийского университета, называет “идентитарным либерализмом” (*identity liberalism*). По словам ученого, этот либерализм проявляется в “чрезмерном внимании к вопросам разнообразия (*the fixation on diversity*)” в американских школах, прессе и политике, породившем “целое поколение самовлюбленных либералов и прогрессистов, невосприимчивых к условиям жизни за пределами своих узких групп (*self-defined groups*)” [Lilla 2016]. Помешательство на публичной экспликации и подчеркивании партикулярных идентичностей привело к забвению единого гражданского сознания и фрагментации американского общества, о чем еще в начале 2000-х гг. писал Хантингтон [Хантингтон 2004].

Другой важный вывод состоит в *признании иллюзорности и контрпродуктивности как элитарного космополитизма, так и низового национал-популизма*, апеллирующего к средним слоям и рабочему классу. Как часто бывает с противостоящими друг другу крайними позициями, между ними есть немало общего. В сущности, поднявший голову в Европе и Америке национал-популизм – зеркальное отражение космополитизма политических, интеллектуальных, экономических и художественных элит. Если космополитизм выступает за неограниченную глобализацию во всех ее проявлениях, то национал-популизм – за государственный патернализм и жесткий протекционизм; если один отстаивает “идентитарный либерализм” и самоценность разнообразия в любых его формах, то другой произносит панегирики в адрес консервативных нравов и показательной демонстрации национальной лояльности. В той же мере, в какой элитарный космополитизм не может быть практическим решением, не углубляющим социально-политического раскола западных наций, популизм идентичности не является достойной альтернативой хотя бы в силу своей изначально реакционной природы, не говоря уже о неадекватности большинства предлагаемых им мер.

Раскачивающиеся качели между космополитической утопией “постнационального” мира и не менее утопичным проектом “гомогенной” нации пока только усиливают их антагонизм. При этом ослабляется способность разных групп договариваться между собой, и подрывается вера в демократические институты. Постоянно углубляющийся с конца прошлого века национальный раскол формирует, возможно, главный интеллектуальный и политический вызов для современного Запада. Заключается он в том, чтобы не отмахиваться от национал-популистской реакции как от архаики, заранее обреченной на проигрыш моральному и социальному прогрессу, но рассматривать эту реакцию как эксцентричный и во многом разрушительный протест против

иллюзий и заблуждений, свойственных эпохе постмодернизма в западной и мировой политике.

В первой статье данного цикла мы указывали на некоторые общие для России и ведущих стран Европы процессы. Они связаны с интеллектуальной и политической дискредитацией идеи гражданской нации, эрозией демократических институтов, а также атаками на либеральные ценности. Но если в российском случае речь идет об имитации национального единства и демократической системы, то на Западе ситуация, скорее, может быть описана в терминах “пресыщения” и головокружения от успехов национального развития последних двух столетий. Вместе с тем именно в западных странах появились и некоторые проблески света в конце туннеля: там во влиятельных политических кругах стало заметно *критическое переосмысление связи между гражданским национализмом и либеральной демократией*. Например, все лидирующие кандидаты во французской президентской гонке 2017 г. выступали с позиций укрепления национального единства.

В этом отношении избрание Э. Макрона на пост президента Франции может оказаться весьма важным событием. Во-первых, оно олицетворяет стремление активизировать гражданское участие и восстановить доверие к политическим институтам на фоне череды коррупционных скандалов и кризиса традиционных партий. Созданное Макроном движение *La République en Marche* (“Вперед, Республика”) изначально опиралось на вовлечение в политику представителей гражданского общества. На парламентских выборах в июне 2017 г. оно нанесло сокрушительное поражение как социалистам, так и правым (крайним и умеренным). Во-вторых, феномен “макронизма” в значительной мере удовлетворяет запрос на утверждение национального согласия на основе приверженности ценностям либеральной демократии. Наконец, в-третьих, это событие стало примером либерально-демократической и одновременно национальной альтернативы как изоляционистским тенденциям (брексит, “трампизм”) так и антинациональному космополитизму. Победа Макрона над представителями лево- и правопопулистских проектов (Ж.-Л. Меланшон и М. Ле Пен) имеет все шансы стать одним из ключевых факторов реформирования Евросоюза.

Реалии нынешнего века дают все больше подтверждений того, что гражданское общество не может существовать чисто виртуально, в отсутствие чувства солидарности его членов и их практического участия. Без государства-нации не получается построить либеральную демократию (и демократию вообще), поскольку она “может осуществляться только в пределах четко определенного политического сообщества” [Taguieff 2015, p. 201]. Философ Ч. Тэйлор так сформулировал эту мысль: “Гражданская демократия может работать только в том случае, если большинство ее членов убеждено в том, что их политическое общество — это важное общее дело, и считает свое участие в нем необходимым для сохранения демократии” [Тэйлор 2006, с. 130]. Именно поэтому вне развития гражданской нации затруднено, если вообще возможно, развитие демократии: без национальной идентичности, гражданского участия и чувства сопричастности рядовых граждан и элит в достижении национального согласия и процветания демократические институты перестают работать, а ценности свободы и равенства лишаются социальной основы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агаев В. (2017) Приступы идентичности // Коммерсантъ. 6 февраля (<http://www.kommersant.ru/doc/3205840>).
- Бойм С. (2013) Будущее ностальгии // Неприкосновенный запас. № 3 (http://magazines.russ.ru/nz/2013/3/11s.html#_ftnref1).
- Гринфельд Л. (2012) Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ.
- Дьеккофф А., Филиппова Е. (2014) Переосмысление нации в “постнациональную” эпоху // Этнографическое обозрение Online. № 1. С. 193–199.
- Клаус В., Вейгл И. (2017) ООО “Переселение народов” – Краткое пособие для понимания современного миграционного кризиса. М.: Издательство Института Гайдара.

- Лукьянов Ф. (2017) Нервозный Мюнхен // Россия в глобальной политике. 20.02 (<http://www.globalaffairs.ru/redcol/Nervoznyi-Muunkhen-18600>).
- Лэш К. (2002) Восстание элит и предательство демократии. М.: Логос; Прогресс.
- Манен Б. (2008) Принципы представительного правления. СПб.: Издательство Европейского университета.
- Миллер А. (2015) Европейские войны памяти: кто взорвал консенсус истории и чем за это заплатит // Россия в глобальной политике. 02.06 (<http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Evropeiskie-voiny-pamyati-kto-vzorval-konsensus-istorii-i-chem-za-eto-zaplatit-17482>).
- Оболонский А. (2011) Кризис бюрократического государства: Реформы государственной службы. Международный опыт и российские реалии. М.: Фонд “Либеральная миссия”.
- Петри Ф. (2016) Нас накроет мощная волна патриотизма // Культура. 15 декабря (<http://portal-kultura.ru/articles/person/142945-frauke-petri-nas-nakroet-moshchnaya-volna-patriotizma/>).
- Тишков В., Филиппова Е. (ред.) (2016) Культурная сложность современных наций. М.: Политическая энциклопедия.
- Тэйлор Ч. (2006) Почему демократия нуждается в патриотизме // Логос. № 2. С. 130–131.
- Урбинати Н. (2016) Искаженная демократия. Мнение, истина и народ. М.: Издательство Института Гайдара.
- Фукуяма Ф. (2013) Проблемы европейской идентичности // Gefter. 17.06 (<http://gefter.ru/archive/9047>).
- Хантингтон С. (2004) Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ.
- Bossuat G. (2005) Histoire d'une controverse. La référence aux héritages spirituels dans la Constitution européenne // Matériaux pour l'histoire de notre temps. Vol. 78. No. 1. Pp. 68–82.
- Boyle N. (2017) The Problem with the English: England Doesn't Want to Be Just Another Member of a Team // The New European. 17.01 (http://www.theneweuropean.co.uk/top-stories/the_problem_with_the_english_england_doesn_t_want_to_be_just_another_member_of_a_team_1_4851882).
- Chevalier L. (1958) Classes laborieuses et classes dangereuses pendant la première moitié du XIXe siècle. Paris: Pion.
- Della Sala V. (2016) Europe's Odyssey? Political Myth and the European Union // Nations and Nationalism. Vol. 22. No. 3. Pp. 524–541.
- Edwards-Levy A. (2016) Half of Americans Want to Take the Country Back to the 1950s // Huffington Post. 25.10 (http://www.huffingtonpost.com/entry/americans-1950s-poll_us_580fcf0be4b08582f88c9575).
- EU Official Tusk: Idea of One European Nation Is “Illusion” (2016) // Daily Mail. 05.05 (<http://www.dailymail.co.uk/wires/ap/article-3575754/EU-official-Tusk-Idea-one-European-nation-illusion.html>).
- Furedi F. (2017) There Is an Alternative // FrankFuredi.com. 25.01 (http://www.frankfuredi.com/article/there_is_an_alternative).
- Gaskell S. (2016) For Donald Trump, Making America “Great Again” Means Making It More like the 1950s // Mic. 16.09 (<https://mic.com/articles/153611/for-donald-trump-making-america-great-again-means-making-it-more-like-the-1950s#.fjcd9s3u>).
- Gutteridge N. (2016) Stop the EUSSR! Hungary PM Slams Brussels ‘Sovietisation’ in Savage Attack on Federalism // Express. 24.10 (<http://www.express.co.uk/news/world/724664/European-Union-Viktor-Orban-Sovietisation-Brussels-EU-refugees-migrant-crisis>).
- Habermas J. (2016) Core Europe to the Rescue: A Conversation with Jürgen Habermas about Brexit and the EU Crisis // Social Europe. 12.07 (<https://www.socialeurope.eu/2016/07/core-europe-to-the-rescue/>).
- Hosking G. (2016) Why Has Nationalism Revived in Europe? // Nations and Nationalism. Vol. 22. No. 2. Pp. 210–221.
- Lacoste Y. (2014) La nation, ce concept géopolitique fort, n'est pas d'essence populiste // L'Express. 02.04 (http://www.lexpress.fr/actualite/monde/yves-lacoste-la-nation-ce-concept-geopolitique-fort-nest-pas-d-essence-populiste_1504212.html).
- Level of Citizens' Confidence in EU Institutions // Eurostat (<http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/refreshTableAction.do?tab=table&plugin=1&pcode=tsdgo510&language=en>).
- Lilla M. (2016) The End of Identity Liberalism // The New York Times. 18.11 (<https://www.nytimes.com/2016/11/20/opinion/sunday/the-end-of-identity-liberalism.html>).
- Merler S. (2017) Compensating the “Losers” of Globalization // Bruegel. 09.01 (<http://bruegel.org/2017/01/compensating-the-losers-of-globalisation/>).
- Milano B. (2017) To Understand Trump, Learn from His Voters // Harvard Gazette. 22.02 (<http://news.harvard.edu/gazette/story/2017/02/to-understand-trump-learn-from-his-voters/>).
- Morin E. (2016) Le temps est venu de changer de civilisation // Acteurs de l'économie – La Tribune. 11.02 (<http://acteursdeleconomie.latribune.fr/debats/grands-entretiens/2016-02-11/edgar-morin-le-temps-est-venu-de-changer-de-civilisation.html>).

Mudde C. (2016) The Revenge of the Losers of Globalization? Brexit, Trump and Globalization // *Huffington Post*. 09.08 (http://www.huffingtonpost.com/cas-mudde/the-revenge-of-the-losers_b_11407468.html).

Petite S. (2016) Ne parlez plus des réfugiés de 1956 à la Hongrie // *Le Temps*. 26.10 (<https://www.letemps.ch/monde/2016/10/26/ne-parlez-plus-refugies-1956-hongrie>).

Sedensky M. (2016) America Divided: The Rebellion of the Angry White Man // *LGBTQ Nation*. 20.10 (<http://www.lgbtqnation.com/2016/10/america-divided-rebellion-angry-white-men/>).

Suleiman E. (2003) *Dismantling Democratic States*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.

Taguieff P.-A. (2015) *La revanche du nationalisme: Néopopulistes et xénophobes à l'assaut de l'Europe*. Paris: Presses universitaires de France.

Vasagar J. (2013) German “Should Be a Working Language of EU”, Says Merkel’s Party // *The Telegraph*. 18.06 (<http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/germany/10128380/German-should-be-a-working-language-of-EU-says-Merkels-party.html>).

Weber E. (1976) *Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870–1914*. Stanford, CA: Stanford Univ. Press.

Nation and democracy

Article 2. The Illusion of a Post-national World and the Crisis in Western Democracies

E. PAIN*,

S. FEDYUNIN**

**Pain Emil* – doctor of political science, professor of NRU HSE, civil service department. Address: 20, Myasnitskaya st., Moscow, 101000 Russian Federation. E-mail: pain@ISRAS.ru

** *Fedyunin Sergey* – doctoral student of Centre de recherches Europes-Eurasie, Institut national des langues et civilisations orientales, INALCO. Address: Paris 63 Rue de Grand Moulins France 75013.

Abstract

The second article (see article 1 in the previous issue) focuses on relationship between national unity and democracy. In this paper, considering both the EU and the US cases, the authors argue that the maintaining of modern democracy needs the very same background condition, whereas the current crisis in western political system is mainly due to such factors as national deconsolidation, deformation of civic nations and the elitist concept of “post-national” world. The article aims at showing that that idea remains an illusion and investigates its links to other fallacies, namely those about the causes of the national-populist wave, Brexit and the unexpected Trump’s election in the United States. The authors’ approach contributes to a better understanding of the relationship between nationhood, democracy and civil participation, as well as highlights the role of national identity as a key collective identity in the modern world.

Keywords: national consent, national identity, democracy, national populism, cosmopolitanism, West, Europe, USA.

REFERENCES

Agayev V. (2017) Pristupy identichnosti [Twists of identity]. *Kommersant*. 06.02 (<http://www.kommersant.ru/doc/3205840>).

Bossuat G. (2005) Histoire d’une controverse. La référence aux héritages spirituels dans la Constitution européenne. *Matériaux pour l’histoire de notre temps*, vol. 78, no. 1, pp. 68–82.

Boyle N. (2017) The Problem with the English: England Doesn’t Want to Be Just Another Member of a Team. *The New European* (http://www.theneweuropean.co.uk/top-stories/the_problem_with_the_english_england_doesn_t_want_to_be_just_another_member_of_a_team_1_4851882).

Boym S. (2013) Budushcheye nostalgii [The future of nostalgia]. *Neprikosnovenny zapas*, no. 3 (http://magazines.russ.ru/nz/2013/3/11s.html#_ftnref1).

Chevalier L. (1958) *Classes laborieuses et classes dangereuses pendant la première moitié du XIXe siècle*. Paris: Pion.

Della Sala V. (2016) Europe's Odyssey? Political Myth and the European Union. *Nations and Nationalism*, vol. 22, no. 3, pp. 524–541.

Dieckhoff A., Filippova E. (2014) Pereosmysleniye natsii v “postnatsionalnyu” epokhu [Rethinking nation in the “post-national” era]. *Etnotraficheskoye obozreniye Online*, no. 1, pp. 193–199.

Edwards-Levy A. (2016) Half of Americans Want to Take the Country Back to the 1950s. *Huffington Post* (http://www.huffingtonpost.com/entry/americans-1950s-poll_us_580fcf0be4b08582f88c9575).

EU Official Tusk: Idea of One European Nation Is “Illusion” (2016) *Daily Mail* (<http://www.dailymail.co.uk/wires/ap/article-3575754/EU-official-Tusk-Idea-one-European-nation-illusion.html>).

Fukuyama F. (2013) Problemy evropeyskoy identichnosti [The problems of European identity]. *Gefter*. 17.06 (<http://gefter.ru/archive/9047>).

Furedi F. (2017) There Is an Alternative. *FrankFuredi.com* (http://www.frankfuredi.com/article/there_is_an_alternative).

Gaskell S. (2016) For Donald Trump, Making America “Great Again” Means Making It More like the 1950s. *Mic*. 16.09 (<https://mic.com/articles/153611/for-donald-trump-making-america-great-again-means-making-it-more-like-the-1950s#.fjcd9sy3u>).

Greenfeld L. (2012) *Nacionalizm. Pyat' putey k sovremennosti* [Nationalism: five roads to modernity]. Moscow: Per Se.

Gutteridge N. (2016) Stop the EUSSR! Hungary PM Slams Brussels ‘Sovietisation’ in Savage Attack on Federalism. *Express*. 24.10 (<http://www.express.co.uk/news/world/724664/European-Union-Viktor-Orban-Sovietisation-Brussels-EU-refugees-migrant-crisis>).

Habermas J. (2016) Core Europe to the Rescue: A Conversation with Jürgen Habermas about Brexit and the EU Crisis. *Social Europe*. 12.07 (<https://www.socialeurope.eu/2016/07/core-europe-to-the-rescue/>).

Hosking G. (2016) Why Has Nationalism Revived in Europe? *Nations and Nationalism*, vol. 22, no. 2, pp. 210–221.

Huntington S. (2004) *Kto my? Vyzovy amerikanskoy nacional'noy identichnosti* [Who are we? The challenges to America's national identity]. Moscow: AST.

Klaus V., Weigl J. (2017) *OOO “Pereseleniye narodov” – Kratkoye posobiye dlya ponimaniya sovremennogo migratsionnogo krizisa* [The “Migration of peoples” Ltd. A short handbook to understand the current migrant crisis]. Moscow: Gaidar Institute.

Lacoste Y. (2014) La nation, ce concept géopolitique fort, n'est pas d'essence populiste. *L'Express*. 02/04 (http://www.lexpress.fr/actualite/monde/yves-lacoste-la-nation-ce-concept-geopolitique-fort-nest-pas-d-essence-populiste_1504212.html).

Lasch Ch. (2002) *Vosstaniye elit i predatei'stvo demokratii* [The revolt of the elites and the betrayal of democracy]. Moscow: Logos; Progress.

Level of Citizens' Confidence in EU Institutions. *Eurostat* (<http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/refreshTableAction.do?tab=table&plugin=1&pcode=tsdgo510&language=en>).

Lilla M. (2016) The End of Identity Liberalism. *The New York Times*. 18.11 (<https://www.nytimes.com/2016/11/20/opinion/sunday/the-end-of-identity-liberalism.html>).

Lukyanov F. (2017) Nervoznyy Myunkhen [A Nervous Munich]. *Russia in Global Affairs*. 20.02 (<http://www.globalaffairs.ru/redcol/Nervoznyi-Myunkhen-18600>).

Manin B. (2008) *Printsipy predstavitel'nogo pravleniya* [The principles of representative government]. St.-Petersburg: European Univ. Press.

Merler S. (2017) Compensating the “Losers” of Globalization. *Bruegel*. 09.01 (<http://bruegel.org/2017/01/compensating-the-losers-of-globalisation/>).

Milano B. (2017) To Understand Trump, Learn from His Voters. *Harvard Gazette*. 23.02 (<http://news.harvard.edu/gazette/story/2017/02/to-understand-trump-learn-from-his-voters/>).

Miller A. (2015) Evropeyskiye voyny pamyati: kto vzorval konsensus istorii i chem za eto zaplatit [European memory wars: who broke the consensus and what she will pay for it]. *Russia in Global Affairs*. 02.06 (<http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Evropeiskie-voiny-pamyati-kto-vzorval-konsensus-istorii-i-chem-za-eto-zaplatit-17482>).

Morin E. (2016) Le temps est venu de changer de civilisation. *Acteurs de l'économie – La Tribune*. 11.02 (<http://acteursdeconomie.latribune.fr/debats/grands-entretiens/2016-02-11/edgar-morin-le-temps-est-venu-de-changer-de-civilisation.html>).

Mudde C. (2016) The Revenge of the Losers of Globalization? Brexit, Trump and Globalization. *Huffington Post*. 09.08 (http://www.huffingtonpost.com/cas-mudde/the-revenge-of-the-losers_b_11407468.html).

Obolonsky A. (2011) *Krizis byurokraticheskogo gosudarstva: Reformy gosudarstvennoy sluzhby. Mezh-dunarodny opyt i rossyskiye realii* [The crisis of the bureaucratic state: civil service reforms. International experience and Russian realities]. Moscow: Fond “Liberal’naya Missiya”.

Petite S. (2016) Ne parlez plus des réfugiés de 1956 à la Hongrie. *Le Temps*. 26.20 (<https://www.letemps.ch/monde/2016/10/26/ne-parlez-plus-refugies-1956-hongrie>).

Petry F. (2016) Nas nakroyet moshchnaya volna patriotizma [Here comes a new wave of patriotism]. *Kultura*. 15.12 (<http://portal-kultura.ru/articles/person/142945-frauke-petri-nas-nakroet-moshchnaya-volna-patriotizma/>).

Sedensky M. (2016) America Divided: The Rebellion of the Angry White Man. *LGBTQ Nation*. 20.10 (<http://www.lgbtqnation.com/2016/10/america-divided-rebellion-angry-white-men/>).

Suleiman E. (2003) *Dismantling Democratic States*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.

Taguieff P.-A. (2015) *La revanche du nationalisme: Néopopulistes et xénophobes à l’assaut de l’Europe*. Paris: Presses universitaires de France.

Taylor Ch. (2006) Pochemu demokratiya nuzhdayetsya v patriotizme [Why democracy needs patriotism]. *Logos*, no. 2, pp. 130–131.

Tishkov V., Filippova E. (eds.) *Kulturnaya slozhnost’ sovremennykh nacy* [Cultural complexity of modern nations]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya.

Urbinati N. (2016) *Iskazhennaya demokratiya. Mneniye, istina i narod* [Democracy disfigured: opinion, truth, and the people]. Moscow: Gaidar Institute.

Vasagar J. (2013) German “Should Be a Working Language of EU”, Says Merkel’s Party. *The Telegraph*. 18.06 (<http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/germany/10128380/German-should-be-a-working-language-of-EU-says-Merkels-party.html>).

Weber E. (1976) *Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870–1914*. Stanford, CA: Stanford Univ. Press.

© Э. Паин, С. Федюнин, 2018